

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ БЕГУЩЕГО ДНЯ

(О творчестве
В. Тендрякова)

При чтении книг В. Тендрякова невольно вспоминаются слова А. Ахматовой: «Это так просто... Почему я этого не написал сам?» Истории, которые рассказывает писатель, часто настолько просты, что и в самом деле думаешь: «Ведь и мне приходилось слышать подобное...» Вот только (в этом-то, видимо, и заключается секрет мастерства) из обыденности В. Тендряков извлекает совсем не тривиальные уроки. Его творчество лишний раз доказывает: в искусстве важно не только что, но и как поведать. И тогда — в малом проглянет большое, в единичном — закономерное.

И тогда произведения, написанные «на злобу дня», обретают долгую жизнь, становятся не окаменевшим реликтом, а тем ориентиром, по которому вымеряют пройденное и прикидывают дорогу вперед.

* * *

Владимир Федорович Тендряков родился в 1923 году в деревне Макаровская Вологодской области. Окончание школы, «ночь после выпуска» (так назовет писатель впоследствии одно из своих произведений) почти совпала у него с первым днем войны. Вопросы «Кем быть?» перед Тендряковым и его одноклассниками не вставало, — будущее определялось военными сводками. Сразу же после школы — фронт.

Радист стрелкового полка В. Тендряков участвовал в тяжелейших боях под Сталинградом и Харьковом. Грохот снарядов, «нежный» посвист пуль, натужный вой танковых моторов заменили привычное дребезжание школьного звонка...

Ранение помешало дойти до Берлина. После госпиталя позавчерашний школьник, вчерашний солдат возвращается к мирной жизни. Снова сельская школа, где он теперь уже сидит не за партой, а за учительским столом. Затем В. Тендрякова выбирают секретарем райкома комсомола. В эти годы и в тылу многое напоминало о фронте. Те же бесконечные километры разбитых дорог, те же бессонные ночи, встречи со множеством людей... Не «наблюдая жизнь», а являясь одним из тех, кто ее организует, строил В. Тендряков начало своей биографии.

Тогда же и родилось желание рассказать о виденном, поделиться

своими радостями и тревогами. Молодой человек вначале хотел стать художником. Первый шаг к профессии был сделан — в 1946 году В. Тендряков поступил на художественный факультет ВГИКа, но, окончив первый курс, перешел в Литературный институт имени Горького — тяга к литературе пересилила.

В романе «За бегущим днем», произведении в известной мере автобиографическом, Тендряков так охарактеризовал свои юношеские устремления при первом знакомстве со столицей: «...мне представился спящий безбрежный город, спящие в нем, этаж над этажом, люди — тысячи, миллионы тех, кого я видел днем, и тех, кого я никогда не видел и никогда не увижу в моей жизни. Спят люди и не подозревают, что в их миллионной семье появился еще один человек. <...> Никому не известно, какое великое желание привез он с собой в душе. Мое единственное богатство — моя жизнь, те дни, годы, десятилетия, которые отмерены для меня. Я хочу отдать это вам, люди, незнакомые мне, вам, для вашей пользы, для вашего счастья».

Желание жить и работать для общего счастья приводит В. Тендрякова в ряды коммунистов в 1948 году.

Первый рассказ В. Тендрякова был опубликован в 1947 году. Затем в «Огоньке» появились его очерки, которые прошли незамеченными.

В. Тендряков вступил в литературу в то время, когда в искусстве ощущалось влияние «теории бесконфликтности». Согласно этой теории задача писателя заключалась в создании искусства, изображающего действительность только в ее светлых проявлениях. Эта тенденция давала себя знать и в тендряковских очерках: в них нет столкновения характеров, нет споров.

Но роль благодушного летописца уже не устраивала молодого писателя.

Вместе с художниками слова, которых потом назовут представителями «деревенской прозы» (В. Овечкин, Е. Дорош, Г. Троепольский, С. Залыгин), В. Тендряков выступил в начале 50-х годов как сторонник трезвого реализма. И вовсе не случайно, что преодоление «безмятежности» в искусстве стало уделом «деревенской прозы». В тесном деревенском мире, где все друг друга знают, где всё на виду, все противоречия были ощутимее.

Экономические проблемы неотделимы от нравственных. И когда об этом забывают, это приводит к тяжелым, в отдельных случаях необратимым последствиям. Об этом и напоминала повесть В. Тендрякова «Падение Ивана Чупрова» (1953), сделавшая имя писателя известным. Общее признание завоевала и повесть «Не ко двору» (1954), в которой семейный конфликт молодого тракториста Федора Соловейкова с ветхозаветным укладом семьи Ряшкиных заставлял задуматься над вопросом, заданным Горьким: «Если я только для себя, то зачем я?»

В. Тендряков обрел собственный голос почти сразу. Для его про-

изведенный характерны «сгущение» времени действия, столкновение полярных начал, экстремальные ситуации, в которых обнажается сущность персонажей. Начинается все вроде бы с мелочей, а затем перерастает в проблему, от которой уже нельзя отмахнуться, которую нельзя решить мирно.

Таковы и гражданская позиция писателя, и его основной эстетический принцип. Художник в романе «Свидание с Нефертити», размышляя над извечным вопросом о смысле и сущности искусства, отвечает на него так: «Столкни поэзию с прозой, необычность с будничностью, счастье бытия и угнетенные лица — вот великое единство противоположностей, без которых не существует жизнь». Разумеется, не стоит отождествлять слова героя с высказываниями автора, однако эта фраза помогает нам найти ключ к творчеству В. Тендрякова, понять, какая сила движет его героями.

Органически не могут подчиниться темному, косному Федор Соловейков («Не ко двору»), Кистерев («Три мешка сорной пшеницы»), Бирюков («Свидание с Нефертити») и даже дети — Родька Гуляев из «Чудотворной» и Дюшка Тягунов из «Весенних перевертышей».

Героям В. Тендрякова свойственна бескомпромиссность, однако это вовсе не значит, что и писатель делит мир только на белое и черное, что он не замечает душевных нюансов. Сложный внутренний мир художника, интеллигента, подростка раскрывается в таких произведениях писателя, как «Свидание с Нефертити», «За бегущим днем», «Ночь после выпуска», «Короткое замыкание», «Расплата». Порой анализ психологической «несовместимости» человека с самим собой становится у него сюжетом самостоятельного произведения. Трофим, который всю жизнь был уверен в своей непогрешимости и находил в ней прибежище от неприяни окружающих, стоило ему проникнуться подлинной болью другого, оказывается не в силах свершить приговор, еще так недавно представлявшийся единственно правильным и необходимым («Находка»); задумывается над прожитым Иван Капитонович («Короткое замыкание»).

Критики не раз упрекали писателя в том, что он не создал образ яркого положительного героя. Действительно, у В. Тендрякова нет таких запоминающихся характеров, как Павел Корчагин или Семен Давыдов. Но ведь, как справедливо подчеркнула О. Берггольц, «настоящим писателем-гуманистом может быть и тот, которому отрицательные герои удаются лучше положительных». Не силы зла у Тендрякова определяют смысл бытия; они в толковании писателя те опухоли, которые необходимо вырезать, чтобы организм функционировал нормально. Книги Тендрякова зиждутся на вере в победу добра, на осознании ценности каждого человека, пусть даже он запутался в собственных противоречиях и в данный момент представляет угрозу для общества. И Настя Сыроегина («Поденка — век короткий») и Лешка Малишкин («Тройка, семерка, туз...») не погибли для людей, нужно только вове-

мя протянуть им руку помощи. Не случайно «Поденка — век короткий» заканчивается авторским призывом: «Люди добрые, спасите Настю». Заметим, что сказано это без восклицательного знака, — подлинное чувство никогда не кричит.

Безусловно, читателю, особенно молодому, нужны литературные герои, с которых можно было бы брать пример. Но точно так же нужны и характеры-«предостережения», которые учили бы «беречь честь смолоду».

* * *

«Тугой узел» (1955) связан из тех нитей, что были вплетены уже в художественную ткань «Падения Ивана Чупрова». В ранней повести автор ограничивался локальным пространством и малым количеством персонажей. Так было нужно для последовательного раскрытия одной идеи. Но идея оказалась столь емкой, что потребовала большего простора для выявления различных ее аспектов, не укладывающихся в малую форму.

Как это часто бывает у Тендрякова, «Тугой узел» начинается с эпизода, несущего символическую нагрузку. Автор описывает похороны секретаря райкома Комелева. Это был добросовестный человек, «работал... как вол, не знал покоя». Но он, по мнению Павла Мансурова, не поднимался над жизнью, а в лучшем случае шел вровень с нею. Мансуров с горечью размышляет: «...у Комелева во всех его командировках, заседаниях, беспокойствах была какая-то бессмысленность. Ломил, тянул воз через силу, сгорел на работе, а для чего? <...> Каждый человек должен оставить, кроме детей и кучки земли на кладбище, что-то полезное. <...> Дело какое-то! А что доброго сделал Комелев? Чем его вспомнить? Неужели у меня впереди такая же бессмысленная жизнь?»

Запомним эти слова и, забегая вперед, обратимся к финалу. «Тугой узел» и заканчивается описанием «смерти» Мансурова. Нет, он остался жив и здоров, его гибель — фигуральна. Павел Мансуров кончился как личность, как гражданин. Чем бы он ни занимался в дальнейшем, какой бы пост ни занимал, он уже не будет думать ни о чем, кроме собственного благополучия.

После Комелева остался сын Саша, выросший честным и верным человеком. В этом немалая заслуга отца. А что останется от Мансурова? Только недобрая память... Даже и детей у него нет. Мансуров покидает район, в котором разворачивалась его карьера, но куда уйдешь от самого себя? Спор, затеянный Мансуровым с покойным Комелевым, решается не в пользу Мансурова.

Вначале герой предстает перед читателем явно с положительной стороны. Мансуров раньше и острее других видит, что кругом многое несовершенно и нуждается в коренных изменениях. Он чувствует в себе силы и желание работать, но в его рассуждения вкрадывается насто-

раживающая нотка. Мансуров уверен: «Мой рост, мое движение не зависят от меня. Захотят — продвинул, не захотят — оставят кихнуть на той же должности». Доучиваться в институте после армии он не захотел и принял назначение, предложенное райкомом, не прилагая усилия к тому, чтобы добиться чего-то другого. «В другом месте я бы, может, смог быть хозяином своей жизни. А здесь сыплют инструкции, со всех сторон указывают...» Итак, не человек красит место, а место определяет достоинства человека.

Но вот Мансуров дождался своего «звездного часа». Его записка о неблагополучии в экономике района пришла ко времени.

«Павел веровал, что только беспокойные люди двигают жизнью». Короткая, но емкая фраза. Она невольно ассоциируется со строчкой из популярной комсомольской песни о молодых людях, «беспокойных сердцах», которые «все доводят до конца». Однако первоначальная этическая установка, с которой начинает Мансуров свою руководящую деятельность, в значительной степени деформирует эту ассоциацию. Для Мансурова важно не улучшать жизнь, а *двигать* ее, разумеется, по собственному усмотрению. Так, исподволь, незаметно, формируется отношение читателя к герою.

Равнодушие Мансуров ненавидит как самый страшный порок. «Равнодушие — не зло, как принято считать. Сырость сама по себе не есть еще гниение, она лишь способствует размножению гнилостных бактерий. Потому-то, где сыро, там и гниет. Равнодушие размножает зло, оно его почва, его питательная среда. При равнодушии неизбежно растут бедствия, при равнодушии загнивает жизнь!» Справедливые слова. Только кому они принадлежат? Автору или герою? Скорее всего, первому. Но вот слово берет Мансуров. «Он, Павел Мансуров, не станет терпеть около себя равнодушных, он начнет с ними войну. Безжалостность к себе во имя счастья тех, кто сейчас ходит за окнами райкома под падающим сухим снежком, — это должно стать его лозунгом!» Великолепное намерение. Но, как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад. Свою жажду «двигать жизнь» Мансуров принял за желание быть полезным людям. В его мыслях не нашлось места соображению о том, что счастье для других прежде всего связано не с безжалостностью, а с самоотдачей. И как только перед Мансуровым встали не абстрактные истины, а вполне конкретные собственные интересы и интересы общества, он «с первых же дней своей новой работы почувствовал — прямым путем идти трудно».

Да, прямым путем идти трудно, но коль скоро ты собирався быть безжалостным к себе во имя счастья других, то разве могут остановить тебя трудности? Ведь очевидно, что чем больше у тебя возможностей, тем с большими препятствиями придется встречаться.

Мансуров «осекся» раз (случай с лесозаготовками), уступил — два (в намерении увеличить посевную площадь льна) и перестал замечать, что уступчивость становится определяющей чертой его поведения. Пока

все это мелочи, никак не отражающиеся на будущем, которое, верит Мансуров, обещает новые победы. «Есть порох в пороховнице, хватит сил. Только бы по мелочам их не растратить, сберечь на большие дела...»

Характер героя, в сущности, выявлен уже в первой главе второй части. Вся первая часть была не чем иным, как развернутой интродукцией. В ней Тендряков нарисовал подробную картину среды, где обитает Павел. Нетрудно заметить, что вокруг Мансурова есть люди, с помощью которых можно довести до конца «большое дело». Это и Саша Комелев, и Катя, и Игнат Гмызин, и Курганов, и, самое главное, те колхозники, хорошо понимающие, что в жизни служит добру, а что — злу. Сумеет Мансуров дойти до их ума и сердца — в союзе с такими людьми он будет непобедим.

И «большое дело» наконец приходит. Область дает колхозам племенной скот. Работа районных руководителей будет измеряться количеством голов, которые район сумеет вырастить. «Много возьмешь — хороший работник... — рассуждает расчетливый шумаковский секретарь райкома, — мало возьмешь — так на тебя и будут глядеть». Это прекрасно понимает и Павел, как понимает и то, что до сих пор в его активе было только обнаружение недостатков. Пора заявить о себе и делом. Но... он знает и другое. В районе не хватает кормов, скотные дворы в большинстве случаев не подготовлены к приему племенного стада. Слабоваты и животноводческие кадры. Минутный триумф может обернуться тяжким поражением, последствия которого долго будут определять все направления экономики района.

Здравый смысл подсказывает: не торопись, не зарывайся. Но так хочется поразить сегодня всех собравшихся на совещание, так хочется Мансурову создать о себе мнение как о масштабном руководителе. И он берет обязательство, непосильное для района...

С этого момента и начинается падение Павла Мансурова. Он сыграл роль «чином выше собственного», и неумолимая логика событий повлекла его к пропасти.

Может быть, Тендряков излишне драматизирует процесс духовного оскудения героя. Написанная сама по себе убедительно, сцена, в которой Федосий Мургин просит Мансурова поверить ему, не списывать со счетов, необязательно должна была заканчиваться самоубийством председателя колхоза. Этот эпизод и без его трагического исхода вполне характеризует Мансурова, видящего в Мургине не реального человека, вся биография которого неотделима от истории колхоза, а лишь «пример другим». Мансурова в этой ситуации интересует прежде всего «он, Павел Мансуров, заставивший говорить о себе, уважать себя...». Ведь из-за просчета Мургина он «рухнет в грязь вместе со своими высокими мечтами, с широкими замыслами».

«Маленький человек» и большое дело, к которому все еще, кажется Мансурову, он готовит себя... Разве можно колебаться в выборе?

В действительности же Павел помнит лишь о себе. Для себя он охотно находит оправдание, к остальным становится еще непримиримее. «Я хотел людям хорошего, — говорит он Кате, — я знал, что без дерзости, без решительных бросков его не добудешь. Я дернул, сделал бросок, а вокруг меня были равнодушные. Я начал с ними воспать, понял, что не обойтись без жестокости. Одному человеку я бросил несколько жестких слов (всего несколько слов!) — и вот... вместо человека в моих руках остается только его картуз... Я не железный, и меня порой охватывает отчаяние. Мне трудно, Катя». Заметим, как, может быть и непроизвольно, производит Мансуров подмену понятий, стремясь оправдать себя. Вместо *жестокости* возникает *жесткость*. Но весь строй этого монолога разоблачает Мансурова. Других людей он не замечает, априорно зачисляя всех в «равнодушные». На самом-то деле равнодушен и к людям и к делу именно Мансуров. Он равнодушен и к Мургину, и к жене, и к Кате, у которой ищет не любви, а сочувствия в тяжелую для себя минуту. Пожалуй, самое наглядное доказательство этого равнодушия — поступок Мансурова, использовавшего слова Саши против Гмызина. Мансурову и в голову не приходит, какотреагирует на это молодой человек, только что вступающий в жизнь, какой нравственный урок извлечет он из действий секретаря райкома.

Анна, жена Павла, давно поняла, что он лишь «кажется отзывчивым, тонким, искренним. Да, он отзывчив, но лишь к своей беде, к своей боли. Он тонок, может быть, но в одном — во внимании к своей личности. Есть в нем и искренность... Искренность человека, верящего, что он сам создан для более значительного, чем живущие вокруг люди». Читателю понятно и иное. Человек, равнодушный к другим, не может болеть ни за какое дело, для такого всегда на первом плане будет «своя рубашка».

Спор в повести идет не по отдельным частностям, в основе его — отношение к жизни, ее смысл. Одним путем, неспешным, незаметным, идут Мургин, Гмызин, молодой Комелев, другой, с фанфарами, выбрал Мансуров. В одном ошибся Павел Мансуров: не понял, что в новых условиях «гром победы» не увенчает его кривых дорог.

Роман «За бегущим днем» можно рассматривать как своеобразный комментарий к «Тугому узлу». «Тугой узел» — книга о том, как человек потерял себя. Андрей Бирюков, поспевающий «за бегущим днем», стремится опередить его (но не для личной выгоды или славы) и на этом пути обретает себя. Это роман, в котором писатель ищет ответа на вопрос: какими нравственными чертами должен быть отмечен образ современника? Напряженная работа мысли, неудовлетворенность рутинной, которая мешает видеть далекую перспективу, желание не только стать «с веком наравне», но и опередить его, чтобы подготовить растущее поколение к встрече с будущим, — вот те нравственные ценности, что утверждает В. Тендряков в своем произведении.

Полярность Мансурова и Бирюкова очевидна. Один, погнавшись

за славой, потерпел крах, потому что не было и не могло быть у него друзей-соратников, без которых не поднимешь большое дело. Другой не побоялся поставить на карту свою «карьеру», ибо двигала им неуемная жажда поделиться с людьми своими открытиями. Это и отличает настоящий талант от подделки.

Большое дело по плечу лишь тому, кто одушевлен подлинной любовью к людям. Таков нравственный итог этих двух произведений В. Тендрякова.

Впрочем, не только их. Этим пафосом согрето все творчество писателя, видящего миссию художника в том, чтобы помочь обществу и отдельному человеку стать более совершенным.

Проза В. Тендрякова отмечена печатью конкретного времени, но за хлопотами настоящего он не забывает о «вечных» проблемах, которые, на первый взгляд, решаются с обостренной полемичностью, присущей скорее публицистике, а не художественной литературе. Но в том-то и дело, что лучшие русские прозаики (Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой, Чехов) никогда не чурались публицистической остроты, всегда наблюдали жизнь не со стороны, жили страданиями и радостями всех.

Лишь затворившись в башне слоновой кости не согласятся со словами В. Тендрякова: «Художник творит, исходя из требований только своего времени. Ничего не может быть глупее заведомого расчета на признание потомков. Для этого нужно предугадать тех, кто еще не родился, то есть предугадать будущее той жизни, которая и сама-то пока является во многом неопределенным будущим. Это уже сродни пророчеству, ничего не имеет общего с предвиденьем. И если художник не считается со своим временем, не улавливает и не отражает его интересов, то, скорее всего, он будет неинтересен и далеким потомкам, которые не смогут уже по его произведениям достоверно судить о минувшем времени».

В. Тендряков в своем творчестве постоянно напоминает: не хлебом единым жив человек. Пусть он всю жизнь растит этот хлеб, пусть руководит хлеботорговлей, сплавляет лес или занимается энергетикой — никуда не уйти от «драмы идей», не прожить жизнь без раздумий о своем предназначении. Человек делает дело, а дело делает человека. Нравственность человека-труженика, живущего бок о бок с другими соседями по планете Земля, исследует и прославляет писатель.

Наше постоянно совершенствующееся «сегодня» одушевлено неустанным вниманием партии к развитию всех начал, которые улучшали бы жизнь советского народа, повышали его материальную и духовную культуру. И в этом отношении «Тугой узел», предъявляющий к человеку, идущему вперед, самые высокие требования, и сегодня звучит актуально.

* * *

Итак, Павел Мансуров проиграл. Ну а если бы он выиграл? В состоянии ли видимый успех компенсировать незримые нравственные по-

тери? Этот вопрос не даст покоя самому Тендрякову, в разной форме задают его себе и герои произведений писателя.

В «Кончине» перед нами предстает хроника колхозной деревни, на протяжении трех десятилетий живущей в изобилии под руководством «удельного князя» Евлампия Лыкова. Над всем селом возвышается его дом, вызывающе высокий и массивный. «Добротность дома не просто откровенная, она назойлива и даже чем-то бесстыдна».

История жизни и смерти Лыкова представлена в повести ретроспективными воспоминаниями разных людей, каждый из которых видел какую-то одну из сторон его деятельности.

В молодости, только что приняв бразды правления, Пийко Лыков «не совестит, не кричит, не разоряется, он весел и ласков...». Общими усилиями богатеет колхоз, и, черпая уверенность в его силе, постепенно перерождается Лыков. «Теперь в золотых штанах неудобно — по одежке встречают... Евлампий Лыков стал даже на шею цеплять галстучек, а вместе с галстучком и заговорил на базах». Руководящая должность порой обязывает быть и жестким. Лыкову же хочется для всех выглядеть добрым — он передоверяет функции «злodeя» зависящему от него бухгалтеру. Дальше — больше... Постепенно появляются прихлебатель (Валерий Чистых), телохранитель (Леха Шаблов) и даже сводня (Алька Студенкина). И вот уже Лыков — удельный князь, который полкилометра до райисполкома едет на машине, дабы не уронить себя.

Лыков делает колхоз «Власть труда» миллионером. «Его» хозяйство как обетованный остров возвышается над остальными деревнями, притягивает к себе взоры всей области. И в других уголках страны слышали о Лыкове. Вот только мало кто замечает, что в лыковском колхозе уже не власть *труда*, а власть *денег*...

Да, Пожары и в войну жили сытее других. Секрет прост: бредут в село привлеченные густым запахом хлеба, истаявшие от недоедания эвакуированные. А здесь их делят на аглицев и козлиц. «Тот, кто больше недоедал, кто сильнее других иссушен страданиями, кто уже измучен жизнью — не рассчитывай на Лыкова». Так относится Лыков не только к пришлым «чужакам». Совсем рядом, в Петраковке, ребяташки на рахитичных ножках «остановившимися светлыми глазами глядят на хлеб, на яйца на мятой газете, нет, не с жадностью, с изумлением».

Лыков — духовный брат Мансурова, только более удачливый. Не случайно в «Кончине» только один человек оправдывает Лыкова — Чистых-старший, мораль которого не изменилась за тридцать лет, хотя она и принесла ему немало страданий. Он заявляет: «Я считал, что Евлампий Лыков гнет в своем колхозе вражескую линию. Так считал, был убежден! Да, я хотел ареста Лыкова. Если б я победил, то Лыкову не поздоровилось. Но победил-то Лыков... Теперь должен

или не должен я задать себе вопрос: кто был прав? Кто?.. Честно, без виляний! Он или я? Так вот!.. Теперь признаю — он прав!»

Сложность ситуации порождает парадокс: суждение Чистых-отца, оправдывающего Лыкова, лишь ярче высвечивает его вину.

Осудить Лыкова нетрудно. Труднее понять, откуда берутся Лыковы, на какой почве они произрастают и расцветают. Лыков, конечно, недюжинная натура, однако вся его сила тратится на себя, на «свое» хозяйство. У него нет единомышленников, есть только подневольные или бездумные исполнители его воли. Даже близким не дал «удельный князь» счастья: тает от безысходного молчаливого горя жена, спиваются сыновья, которые никогда не смели жить по своему разумению.

Любопытно, что борьба с «лыковщиной» в «Кончине» начинается «снизу». Против Евлампия Лыкова не побоялся выступить его племянник — агроном Сергей Лыков. По всем статьям Сергей — удачник, родившийся в рубашке, как говорит Иван Слегов, — не должен бы был отступать от той дороги, что заранее начертал ему всемогущий дядя. Институт, аспирантура — все само идет Сергеем в руки, только выполняя указания знатного родственника. Тем ценнее решительный шаг Сергея, что предпринят он без оглядки на собственное благополучие.

Сергей, как и его дядя, тоже творит «чудо»: голодную, безучастную ко всему, изверившуюся в своих силах Петраковку он выводит на уровень передовых хозяйств. Некогда и Евлампий Лыков добился благоденствия Пожар. Но Сергей укрепляет не только экономику. Он делает гораздо больше: пробуждает в людях угасшее было под тяжелой эгидой Лыкова чувство хозяина своей земли и тем самым кладет начало гибели «лыковщины».

Голодная Петраковка, граничащая с сытыми Пожарами, — пробный камень, на котором испытываются души дяди и племянника. Сергея она потрясает, Евлампий холодно роняет: «Над каждым нищим не наплачешься». В том, что Евлампий и Сергей принадлежат к одному корню, есть глубокий смысл. Одно и то же дерево, как бы указывает В. Тендряков, может давать разные плоды, и требуется неусыпное внимание садовника-общества, чтобы «дичок» не заглушил ствола.

Чтобы не стать банкротом к концу жизни, мало ума и даже бескорыстия. Нужны еще горячее сердце и беспокойная совесть. В этом плане показателен пример Ивана Слегова. Вся его жизнь прошла «при Лыкове». Слегов многое видел лучше и понимал глубже, чем всемогущий председатель. Но навсегда затаивший в себе обиду на односельчан и культивирующий ее, Слегов (деревня не поддержала его «вождистских» устремлений) «ушел в подполье», оставил за собой роль распорядителя-невидимки. Слегов не извлекает из своего положения материальных выгод, им движет неугасимый огонь тщеславия. Вспомним,

что и Евлампий Лыков не грешит сребролюбием. Однако это не делает Лыкова и его «тьень» привлекательнее.

Слегов вынужден констатировать, присутствуя при кончине Лыкова: все прожитые годы утешал себя тем, что «выше других, умнее других, и несчастья оттого, что далеко всех перерос... И понять не хотел: не Ильи Муромцы прокладывают по земле молочные реки. Фитиль без лампы гореть не будет». Слегов действительно умнее других, поэтому он, хотя и поздно, осознает: жизнь прожита напрасно.

Слегов сложнее и вредоноснее Лыкова. Лыковы видны издали, их просто боятся тронуть. Слеговых обнаружить труднее, «Кончина» и учит распознавать незаметную «слеговщину» и бороться с «лыковщиной», демонстрирует их взаимозависимость.

Конфликт в «Кончине» не доведен до конца. Автор избегает счастливой развязки, при которой порок наказан, а добродетель торжествует. Но весь ход повествования убеждает в том, что появление нового «удельного князя» в Пожарах уже невозможно.

Подытоживая наблюдения над «деревенской прозой» В. Тендрякова, хочется отметить, что ядро сюжета «Кончины» существовало еще в «Падении Ивана Чупрова». Конечно, это не «повторение пройденного», а возведение на более высокую ступень осмысления ведущих конфликтов современности. Сам писатель сказал об этом так: «Наиболее трудную задачу (в искусстве. — В. М.) выполняет не тот, кто первым открывает необходимое, досель никому не известное, а тот, кто малозвестное делает широкоизвестным, не гениальный «прозорливец», а волшебник, наделенный даром слепым давать зрение, нечутким — чуткость». И если художник своей книгой заставил задуматься над окружающим, то он уже сделал многое. Ведь задуматься — значит понять, а это всегда первый шаг на пути развития. И, как писал Гете, истину надо повторять постоянно, ибо кругом также проповедаются и ошибки».

Время дало верную и недвусмысленную оценку уверенным в своей непогрешимости героям Тендрякова. Руководящие работники вроде Мансурова или Лыкова стали сегодня достоянием прошлого. И тем не менее та высота нравственных критериев, которыми поверяет характеры своих героев художник, сохраняет всю значимость его произведений и в наши дни, когда, как об этом говорилось на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, партия предъявляет особые требования к нравственным и деловым качествам руководителей, вожakov народа.

Социологическая заостренность и психологизм — наиболее заметные и выигрышные стороны прозы Тендрякова. Но может ли содержание быть отделенным от формы? Еще Белинский отмечал, что какими бы глубокими и прекрасными мыслями ни руководствовался автор, если он не обладает даром художника, его произведение не выйдет за рамки «дурно выполненного хорошего намерения». Если бы книги В. Тендрякова имели значение только социологических трак-

татов, они вряд ли заинтересовали бы широкую читательскую аудиторию».

Тендряков-художник не слишком «заметен». Писателю свойственна строгая экономность изобразительных средств, даже публицистические отступления у него всегда сдержанны. Писатель как бы боится девальвировать слово, и в лирических местах он постоянно контролирует себя. Только в «Кончине» Тендряков ненадолго дает себе волю и создает проникновенный гимн неброской красоте родного поля.

«Голая, взрытая земля подернувшись легчайшим, как наваждение в глазах, зеленоватым дымком — это выползли нежные росточки, это младенчество хлеба.

Зеленоватый дымок крепнет от утра к утру, теряет летучую нежность, от утра к утру обретает сочную яркость. Земля становится зеленой без просвета, зеленой, веселой, парадной. Это раннее детство хлеба.

И однажды, нагнувшись, ты видишь в бахrome зелени — лист свернулся в тугую стрелку, целит в синеву неба, в косматое солнце. Отрочество началось у хлеба.

Отрочество до первого, стыдливо спрятанного колоска. Сам по себе колосок застенчив и мягок, нет в нем никакой грубости, никакой жесткости — хлеб вступает в пору юности».

Написать так мог только художник, глубоко и тонко чувствующий природу и ценящий великую преобразующую силу — человеческий труд.

Часть проблем, поднятых в творчестве В. Тендрякова, уже решена самой действительностью. Не будет преувеличением сказать, что в этом есть и заслуга писателя. Дни бегут, жизнь идет вперед, возникают в ней новые проблемы. И читатель ждет от В. Тендрякова новых книг, которые помогли бы распутывать «тугие узлы» изменчивого бытия. Книг, с прежней страстностью исследующих моральные категории, удельный вес которых в нашей жизни неуклонно повышается.

В. Мещеряков